

Мафия политтехнологов лелеет миф о своей нужности

Генеральный директор Совета по национальной стратегии (СНС) Станислав Белковский довольно неоднозначно характеризуется в столичной околполитической среде. Особенно это стало заметным после того, как возглавляемый им Совет, среди членов которого немало известных в России политологов, опубликовал так называемый «антиолигархический» доклад. По мнению ряда политиков, в частности, президента Российского союза промышленников и предпринимателей Аркадия Вольского, именно доклад СНС возбудил повышенный интерес правоохранительных органов к некоторым представителям крупного бизнеса. Многие считают публикацию доклада классическим примером «грязных политтехнологий», «чёрного пиара».

- Станислав Александрович, какова роль политтехнологов в современной политике?

- В современном мире, на мой взгляд, вообще преувеличена роль всевозможных технологий, и некие сущностные, концептуальные вещи уходят на второй план. Но мировая политика во все времена двигалась не какими-то тайными специалистами, которые знали, как нужно ее двигать, но сами при этом оставались в тени, а политическими лидерами. Ни Александр Македонский, ни Юлий Цезарь, ни Наполеон, ни Екатерина II, ни Гитлер, ни Муссолини или Сталин не пользовались услугами политтехнологов для достижения своих целей.

- Может, просто времена были другие?

- Времена разные, но сущностные вещи остаются неизменными. Технократическое безумие, которое обуяло мир во второй половине XX века (в России это произошло чуть позже) привело к формированию мафии политтехнологов, группы людей, которые утверждают, что владеют некой секретной синтетической специальностью. Но на самом деле они не владеют в должной мере ни одной из составляющих этой специальности — ни художественным языком, ни художественным вкусом, ни способностью создавать нечто, помогающее политике.

В постсоветской истории политтехнологи не сыграли значительной роли. Другое дело, что эта мафия пыталась приписать себе многое — начиная от восхождения Ельцина, продолжая генералом Лебедем и заканчивая Путиным. Я абсолютно убежден, что если и добавили что-то так называемые политтехнологи к успехам и неудачам этих политических деятелей, то не более 2-3%. И скорее, к неудачам.

Успех политика связан с его инстинктом власти и единением со страной, в которой он действует. У политтехнолога нет ни того, ни другого. Нет инстинкта власти, иначе он сам стал бы политиком. Сегодняшняя позиция столичной элиты показывает, что у нее нет и единения со страной. А именно в этой элите политтехнологи и пытаются играть концептуальную системообразующую роль.

Поэтому сама по себе эта профессия есть миф, но миф, конечно, тщательно поддерживаемый. Это происходит потому, что с услугами политтехнологов связаны огромные бюджеты и механизмы отмыwania денег. Поэтому миф и впредь, безусловно, будет поддерживаться. Это будет происходить до тех пор, пока у мафии политтехнологов хватит сил его поддерживать и будет заинтересованность в освоении этих бюджетов.

- Корысть политтехнологов понятна. Но их услугами пользуются политики, люди, которые обязаны уметь разделять мифы и реальность. Почему они вкладывают огромные деньги в поддержание этого мифа?

- Во-первых, далеко не все политики пользуются услугами политтехнологов. Конечно, прямые рекламные кампании неизбежны, и всегда есть какой-то пул криэйтеров, которые этим занимаются. Но это ведь не политтехнологи, согласитесь? Я хорошо помню все кампании генерала Лебеда, в которых политтехнологи не играли существенной роли. Так же, как и у Путина. Другое дело, что в политике много случайных «серых» людей, которые пытаются защититься от реальности с помощью каких-то магических приёмов, и политтехнологии, собственно, и является примером такой симпатической магии.

- На форуме «Новые избирательные технологии», который проходил недавно в Москве, эти самые политтехнологи говорили о том, что на федеральном политическом уровне в принципе всё уже решено, но остались регионы и местная власть. Похоже, в столице действительно произошло осознание того, о чем вы говорите, но в провинции еще осталось много «серых» людей...

- Действительно, что-то, что уже постигнуто на федеральном уровне, пока не осознано на региональном. Но вы заблуждаетесь, если думаете, что провинциальными клиентами столичных политтехнологов движут минималистические знания. Сегодня кандидаты в губернаторы в некоторых регионах возлагают на политтехнологов надежды в связи с их якобы существующими связями с «административным ресурсом». С помощью этих людей, рассчитывают они, будет обеспечен контакт с администрацией Президента, обеспечен медиа-ресурс, в том числе в электронных СМИ. Это и есть главный мотив для того, чтобы обратиться к политтехнологам.

Пример: кандидат в губернаторы приходит в администрацию Президента. А там чиновник Пупкин встает и говорит: мы тебе поможем, но ты найди политтехнолога Залкинда. Это, скорее, форма взятки неким фигурам за предоставляемый ими административный ресурс, чем апелляция к профессиональным навыкам. Мне кажется, в регионах особых иллюзий по поводу нужности политтехнологов нет.

- Последние события показали, что бизнес и политика идут рука об руку. Какова роль политтехнологов в бизнес-скандалах?

- Никакой существенной. Можно взять самый громкий скандал вокруг «ЮКОСа». Он основан на противоречиях между Путиным и Ходорковским, и политтехнологи тут ни при чем. Можно по-разному оценивать Президента, но, понятно, что это умный и весьма информированный человек. Странно предполагать, что после более чем трехлетнего опыта руководства страной под влиянием манипуляторов Путин мог пойти на те решения, на которые он пошел. Для этого были объективные причины. В первую очередь — попытки Михаила Борисовича Ходорковского устроить параллельную политическую систему. Причем тут политические технологии? Это уже чистая эссенция политики, а не политтехнологии.

- Неужели такая, как вы сказали, огромная мафия работает вхолостую? Мне кажется, какое-то влияние на политический процесс она имеет...

- Только негативное влияние, потому что поглощает ресурсы и обременяет политиков веригами ложных смысловых конструкций. Политика строится на брутальных и имманентно присущих человеку чертах, важнейшими из которых, как я уже сказал, являются инстинкт власти и чувство единения со страной. Остальное — виньетки и завитушки, которые могут улучшать положение политиков, ухудшать, но не определять его принципиально. По закону Паркинсона, рост аппарата неизбежно сопровождает развитие административной системы и неизбежно ведет к ее гибели. Так и избыток этих виньеток в общем и целом не помогает политике.

К тому же политтехнологическая корпорация является колоссальным инструментом перетока секретной информации от одних политиков и администраторов к другим. И в этом смысле, кстати, она предъявляет претензию на монополию владения этой информацией и на право обмена ею в своих корпоративных интересах. Появляется схема, которая полностью построена на этом обмене, с вершиной мысли в виде блокирования информации в СМИ. Это когда клиент платит не за появление информации, а за ее полное отсутствие. Такое, вообще-то, достойно пера сатириков, потому что это в чистом виде мошенничество.

Встречаются два политтехнолога, один — от клиента Пупкина, другой — от клиента Галкина, и договариваются о том, что за то, что они ничего не будут делать против своих клиентов, получают от них деньги и делят. Большая радость для таких политтехнологов, что в стране еще есть клиенты, которые идут на подобные схемы.

- В этом случае вполне обоснованно политтехнологи считают, что правят миром, поскольку владеют инсайдерской информацией...

- Это скорее инструмент маркетинговых услуг. Конечно, при слабой власти, которую мы наблюдаем сейчас в стране, при колоссальной стагнации элит, при династическом вырождении власти их значение возрастает. Мы знаем, что сам феномен династического вырождения не только социальный, но и биологический. При близкородственных браках членов королевских семей образуется много нежизнеспособных особей, уменьшается их биологический и интеллектуальный потенциал.

Постсоветская элита находится в примерно таком положении. Определенные люди, ворвавшиеся на властный

и экономический олимп, забрали с собой социальную лестницу, никакого обновления элит не происходит, они живут в некой душной атмосфере, отгородившись от народа Великой китайской стеной. В этой душной атмосфере рождаются разные видения и призраки, и политтехнологи этим активно пользуются. Но это всё фантомы сознания.

Легко было понять, кто из политиков жизнеспособен, а кто нет, по катаклизмам даже новейшей истории. Например, до 19 августа 1991 года и после 22 августа. Какой-то пул политиков был, а после 22-го его не стало. Значит, это были люди, лишённые основы, случайные. То же самое до и после событий 3-4 октября 1993 года. Если в стране случатся серьёзные политические и экономические трансформации, то и в политической элите быстро пройдет водораздел между людьми постоянными и временными. И без какого бы то ни было участия политтехнологов.

- Но различные политтехнологические фирмы всё-таки конкурируют на рынке своих услуг. Разве такая конкуренция не является позитивным моментом?

- Конкуренция определяется не наличием или отсутствием политтехнологов. Скорее наоборот. Поскольку, как мы уже говорили, политтехнологи постоянно общаются, передавая друг другу тайны клиентов, они работают, скорее, на уменьшение конкуренции, чем на увеличение незапрограммированности результата.

Мы живём в условиях манипулятивной демократии, когда все партии жестко завязаны на административный информационный ресурс, находящийся в руках Кремля. Другое дело, что сейчас идет раскол элит, который увеличивает неопределенность внутри политической системы. И это хорошо, на мой взгляд. Потому что увеличивает значимость народного выбора, не побоюсь этого пафосного слова.

Но здесь политтехнологи опять же не играют никакой позитивной роли. Потому что все они психологически и материально зависимы от крупного заказчика, каковым, как правило, является власть. Оппозиция гораздо беднее и не может позволить себе тратить деньги на фантомы и иллюзии. Поэтому политтехнологи уменьшают степень неопределенности политической системы, тем самым обесценивая демократические процедуры в целом. Правда, всё же в рамках той скромной роли, которая им в реальности отводится.

- Если политтехнологи — это люди, которые творят мифы и в них живут, то кем, на ваш взгляд, являются политические эксперты?

- Как говорит один мой друг, самое ужасное, что может быть для бизнеса — это каста бизнесологов, то есть специалистов по бизнесу. Либо человек умеет зарабатывать деньги и является бизнесменом, либо он не умеет их зарабатывать, как я, например, и таковым не является. Нет человека, который мог бы объяснить, как делать бизнес, иначе при каждой специальности нужно иметь параллельную специальность. При врачах тогда должен быть специалист по медицине, который объяснял бы врачу, как лечить. Политтехнолог — то же самое.

А политический эксперт — это просто всеми уважаемый специалист, но поле его применения достаточно ограничено. В России политические эксперты активно работают в политтехнологических проектах, обслуживают определенные заказы. Так было в течение последних 12 лет, поэтому ценность их анализа не всегда одинакова.

- То есть, в России экспертное сообщество не представляет ценности для власти?

- Экспертное сообщество всегда представляет ценность. Другое дело, что само экспертное сообщество испугалось попытки стать самостоятельным фактором влияния. Это интеллектуальное рабство. Сегодня костяк экспертного сообщества составляют люди советского воспитания и образа мышления. И олигархам удалось объяснить значительной части экспертов, что только деньги и власть позволяют высказывать самостоятельные суждения, а эксперты должны эти суждения обслуживать и создавать на этой базе некие субсуждения. Это очень опасная и вредная тенденция, потому что тем самым экспертное сообщество девальвировало самое себя. Однако, это не значит, что оно обречено.

История, как известно, развивается по спирали. В регионах мы наблюдаем колоссальное количество экспертов, которых уже ждали. И если бы лестница вертикальной социальной мобильности была как-то спущена обратно, то очень быстро произошла бы демократизация экспертного сообщества. Произошло бы возвращение экспертов на тот уровень, на котором это сообщество было в конце 80-х. Ведь тогда они, а даже не председатели первых кооперативов, были властителями дум. Последние, скорее, воспринимались как романтики, противостоявшие власти и терпевшие от этого лишения. А первые секретари обкомов вряд ли были тогда моральными и нравственными ориентирами для общества. Сегодня же мы слышим со всех сторон, что такими ориентирами должны стать олигархи. Это разрушительно и контрпродуктивно для

экспертного сообщества.

Эксперты — это ученые. И, как всякие ученые, в идеале они независимы, потому что служат науке. Независимость эксперта может быть достигнута за счет независимого финансирования науки, политологии в частности, которое может слагаться из государственного и общественно-благотворительного. Понятно, что политологическая наука, финансируемая частными корпорациями и обремененная перед ними обязательствами, не может быть независима. В этом смысле политология, в отличие от политтехнологий, — не миф, а реальность. Вопрос в том, насколько экспертное сообщество в состоянии себя защитить от влияния извне и попыток сделать его инструментом заката политических и экономических гвоздей.

В то же время эксперты-политологи тоже представляют собой корпорацию, и очень часто это влияет на их объективность. Я бы не хотел бросить камень в сторону всех политологов, среди которых много хороших, уважаемых лично мною людей. Но определенная часть этой корпорации не только зависима, но и гордится этой зависимостью. Это не проблема корпорации, это проблема общества в целом. Общества, где деньги стали высшим мерилем, где нет религиозных, культурных, национальных ценностей, где сознание элиты замешано на цинизме.

- Если политтехнологии виртуальны, то есть ли в России реальная политика?

- Реальная политика существует независимо от этих мифов. Вернее, мифы могут быть очень устойчивы, только если их носителями являются сами политики. И поэтому они руководствуются некой исторической логикой. То есть, с помощью СМИ невозможно поддерживать миф, если за ним не стоит ничего реального. Нельзя сделать человека Сталиным, если он таковым не является. Политика реальным развитием событий, я бы сказал, силой истории, прорывает эту ткань иллюзорного, и всё равно всё приходит на круги своя.

Мы можем вспомнить 1993 год, когда ЛДПР, которой никто не отводил по социологическим опросам значимой роли, победила на выборах, потому что «оседлала» значительный пласт электората, недовольный происходящим. То же самое можно сказать и о Путине. Никто в августе 1999 года не предполагал, что он будет президентом. И это реальная политика, а не мифы политтехнологов.

Кстати, о Путине. На мой взгляд, есть несколько причин, которые привели его к власти. Важнейшая из них — принцип смены политических парадигм. Российскому народу присуще языческое сознание, мифологические и сказочные образы вообще. Ельцин эксплуатировал образ Медведя, а Путин — Солдата. И этот принцип смены парадигм действует всегда. После Путина, по моему мнению, должен прийти один из двух образов. Это будет либо Умный Парень — носителем такого образа сейчас является, в частности, Сергей Глазьев. Или это должен быть Гуру, носитель нравственных ценностей, новый Солженицын. Реальный переход власти, реальная политика всегда движима этими глубинными пластами, а не иллюзорными.

- Есть ли перспективы у российского политтехнологического сообщества?

- Меня менее всего волнует судьба политтехнологического сообщества. Среди тех, кто называет себя политтехнологами, есть масса талантливых в разных областях людей и, наверное, в этих областях они будут или не будут в дальнейшем преуспевать. Наш же с вами интерес к судьбе политтехнологов обусловлен тем, что мы разговариваем в Москве, а не в деревне в Ярославской области. И потому обсуждаем то, что не волнует страну ни объективно, ни субъективно.

Когда нет надежной армии, крепкой правоохранительной системы, вымирают деревни, идет колоссальная депопуляция населения, самая маленькая из проблем — судьба политтехнологического сообщества в России.

Автор: Артур Скальский © Росбалт ПОЛИТИКА, РОССИЯ 👁 3552 24.08.2003, 01:25 📌 180

URL: <https://babr24.com/?ADE=8772> Bytes: 16450 / 16439 Версия для печати

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- Телеграм

- ВКонтакте

Связаться с редакцией Бабра:

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

Прислать свою новость

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

Подробнее о размещении

Отказ от ответственности

Правила перепечаток

Соглашение о франчайзинге

Что такое Бабр24

Вакансии

Статистика сайта

Архив

Календарь

Зеркала сайта

